

ДЖОН СТЕЙНБЕК

---

*ПУТЕШЕСТВИЕ С ЧАРЛИ
В ПОИСКАХ АМЕРИКИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С79

Серия «Эксклюзивная классика»

John Steinbeck

TRAVELS WITH CHARLEY
IN SEARCH OF AMERICA

Перевод с английского *Н. Волжиной*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения The Estate of Elaine
A. Steinbeck и литературных агентств McIntosh
and Otis, Inc. и Andrew Nurnberg.

Стейнбек, Джон.

С79

Путешествие с Чарли в поисках Америки / Джон
Стейнбек; [пер. с англ. Н. Волжиной]. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Эксклюзивная
классика).

ISBN 978-5-17-115510-0

«Путешествие с Чарли в поисках Америки» — книга путе-
вых очерков, которая вызвала настоящий взрыв восторга
в прессе и стала одним из главных бестселлеров 1962 года.
Где же она, та истинная Америка, которую так любил когда-
то писатель и которую так отчаянно ищет теперь, наматыва-
вая сотни и тысячи миль на спидометр трейлера с говоря-
щим именем «Росинант», в компании любимого пса Чарли?
В обожаемой туристами Новой Англии или в сердце Глубо-
кого Юга? На бескрайних просторах Техаса или в столь лю-
бимой когда-то Стейнбеком Калифорнии?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© John Steinbeck, 1962

© Copyright renewed Elaine A. Steinbeck,
Thom Steinbeck, and John Steinbeck IV,
1989

© Перевод. Н. Волжина, наследники, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers,
2019

ISBN 978-5-17-115510-0

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Когда я был еще совсем молодой и мне не давала покоя тяга закатиться куда-нибудь туда, где нас нет, люди зрелые уверяли меня, будто в зрелости от этого зуда излечиваются. Когда мой возраст подошел под эту мерку, в качестве целебного средства мне пообещали пожилые годы. В пожилые годы я услышал заверения, что со временем моя лихорадка все-таки пройдет, а теперь, когда мне стукнуло пятьдесят восемь, остается, видимо, уповать на глубокую старость. До сих пор ничего не помогало. От четырех хриплых пароходных гудков шерсть у меня на загривке встает дыбом, ноги сами собой начинают притоптывать. Услышу рев реактивного самолета, прогревание мотора, даже цоканье копыт по мостовой — и сразу извечная дрожь во всем теле, сухость во рту, блуждающий взор, жар в ладонях и желудок подкатывает куда-то под самые ребра. Иначе говоря, выздоровления не наблюдается; проще говоря — бродягу могила исправит. Боюсь, что болезнь моя неизлечима. Я толкую об этом не в назидание другим, а себе самому для сведения.

Когда вирус непоседливости проникает в беспокойную человеческую душу и дорога Прочь Отсюда кажется такой прямой, широкой и заманчи-

вой, жертве этого вируса надлежит прежде всего найти у самой себя веские основания для отъезда. Бродягу-практика это не затруднит. Таких оснований у него целый вагон — выбирай любое. Далее ему надо спланировать свою поездку во времени и в пространстве, наметить ее маршрут и конечную цель. И наконец — внести полную ясность в вопрос: как ехать, на какой срок, что с собой брать. Эта часть процесса неизменна и пребудет во веки веков. Упоминаю о ней только для того, чтобы новобранцы в бродяжьем войске не вообразили, подобно молокососам, впервые ступившим на стезю греха, будто они сами тут все изобрели.

Как только маршрут обдуман, снаряжение готово и вы двинулись в путь, обретает силу некий новый фактор. Всякая поездка, экспедиция, вылазка на охоту существует сама по себе, отличная от всех прочих. У каждой свое лицо, свой нрав, темперамент, они неповторимы. Путешествие — это индивидуальность, двух одинаковых не бывает. И все наши расчеты, меры предосторожности, ухищрения, уловки ни к чему не приводят. После долголетней борьбы каждому становится ясно, что не мы командуем путешествиями, а они — нами. Специалисты по составлению маршрутов, предварительные заказы билетов и гостиничных номеров, график, железный, нерушимый... все и вся разбивается вдребезги, столкнувшись с индивидуальностью вашей поездки. И чистокровный бродяга только тогда сможет поладить с ней и вздохнуть свободно, когда твердо усвоит это. И только тогда ему не будет угрожать крушение надежд. В этом смысле путешествие похоже на семейную жизнь. Вы непременно

попадете впросак, если будете думать, что тут все зависит от вас.

Ну вот, я высказался до конца, и мне сразу полегчало, хотя поймут меня только те, кто испытал все это на собственной шкуре.

Мой план был как будто ясен, четок и вполне разумен. За долгие годы жизни я побывал во многих странах. В Америке я живу в Нью-Йорке, бываю наездами в Чикаго и Сан-Франциско. Но Нью-Йорк не Америка, так же как Париж не Франция и Лондон не Англия. И вот я вдруг обнаружил, что не знаю своей собственной страны. Я — американский писатель, пишущий об Америке, — работаю, полагаясь только на память, а память и в лучшем-то случае источник ненадежный, того и гляди, получится перекосяк. Я давно не слышал говора Америки, не вдыхал запаха ее трав, деревьев, ее сточных вод, не видел ее холмов, рек и озер, ее красок, ее теней и света. О переменах, которые произошли в ней, мне известно только из книг и газет. Но мало того, за последние двадцать пять лет у меня исчезло ощущение, какая она, эта страна. Короче говоря, я писал о том, о чем не имел понятия, а, по-моему, для так называемых писателей в подобной практике есть нечто преступное. Разрыв в двадцать пять лет сделал свое дело — воспоминания мои порядком оскудели.

Когда-то я путешествовал в хлебном фургоне — допотопном рыдване с двустворчатой дверью, с матрасом на полу. Я останавливался там, где останавливались или собирались люди, слушал, смотрел, старался все почувствовать, и в результате у меня возникла картина нашей страны — картина, точности

которой могли помешать только мои собственные несовершенства.

И я задумал снова все увидеть своими глазами и попытаться открыть заново эту огромную страну. Только так, казалось мне, можно нащупать истину в каждом отдельном случае и поставить диагнозы, которые лягут в основу истины большего охвата. Но тут возникало одно серьезное затруднение. За последние двадцать пять лет мое имя приобрело более или менее широкую известность. А я на собственном опыте убедился, что, если люди знают вас с хорошей ли, с дурной ли стороны, их словно подменяют. Робея или испытывая иные ощущения в присутствии известной личности, они становятся сами на себя не похожи. А поскольку это так, мое имя и мою известность лучше было забыть дома. Я решил превратиться в странствующие глаза и уши, стать чем-то вроде чувствительной фотопластинки. Мне нельзя было оставлять свою подпись в гостиничных регистрационных книгах, встречаться со знакомыми, брать интервью у кого бы то ни было и даже о чем-нибудь дотошно расспрашивать. Мало того, когда вас двое-трое, нарушаются ваши личные взаимоотношения с окружающей средой. Ехать мне надо было одному и только на самого себя и полагаться. Словом, я превращался в черепаху, которая слоняется с места на место и несет на спине собственный дом.

Уяснив себе все это, я написал письмо в дирекцию одной крупной фирмы, выпускающей грузовики. В письме были подробно изложены мои намерения и надобности. Мне требовался пикап грузоподъемностью в три четверти тонны, повышенной проходимости в расчете на плохие дороги, и на этом грузо-

вичке я просил сделать домик — нечто вроде кабины моторного катера. Прицеп затрудняет маневренность в горах, на стоянке его не оставишь, тем более что это в большинстве случаев противозаконно, и вообще на прицепы распространяется слишком много всяких запретов. В свой срок пришел проект машины со спецификацией оборудования. Мне предлагали выносливый, удобный, быстроходный грузовик с высоким крытым кузовом — с домиком, где было все: широкая кровать, плита на четыре конфорки, отопительный прибор, холодильник и освещение на бутане, химизированная уборная, чуланчик, помещение для продуктов и сетка на окнах от насекомых — словом, то, что мне и требовалось. К концу лета машину пригнали в Сэг-Харбор на самой оконечности острова Лонг-Айленд, где стоит мой рыбачий коттедж. Я думал выехать только после Дня труда*, когда жизнь в нашей стране входит в обычную колею, а пока что к моему черепашьему панцирю надо было привыкать, его надо было снарядить и изучить как следует. Пикап прибыл в августе — красавица машина, мощная и в то же время приземистая. Управлять ею было почти так же просто, как легковой. И поскольку затеянное мною путешествие вызвало ряд саркастических замечаний со стороны моих друзей, я назвал ее Россинантом, а вы, разумеется, помните, что так звали лошадь Дон Кихота.

Я не считал нужным держать свой замысел в тайне, и между моими друзьями и советчиками разгорелись споры. (Советчики в таких случаях плодятся

---

* Д е н ь т р у д а — национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября. — *Примеч. ред.*

косяками.) Меня предупреждали, что, поскольку издательства постарались как можно шире распространить мою фотографию, я и шагу не смогу ступить, не будучи узанным. Скажу наперед, что я проехал десять тысяч миль, побывал в тридцати четырех штатах, и меня ни разу никто не узнал. По всей вероятности, вещи воспринимаются только в определенном контексте. Люди, которые могли бы догадаться, кто я такой, в моем обычном, по их понятиям, окружении, за рулем Росинанта меня не узнавали.

Мне указывали, что слово «Росинант», выведенное на борту моего пикапа испанским шрифтом шестнадцатого века, привлечет к себе внимание и вызовет расспросы в некоторых местах. Не знаю, многим ли имя Росинант что-то говорило, но меня об этом никто не спрашивал.

Далее, мне было сказано, что разезды по стране какой-то неизвестной личности да еще с неизвестными целями могут показаться подозрительными и, чего доброго, приведут к расследованию. Тогда я развесил по стенам моего пикапа две винтовки, охотничье ружье и несколько удочек, зная по опыту, что, если человек едет на охоту или рыбную ловлю, такие поездки ни у кого не вызывают сомнений и даже всячески приветствуются. На самом же деле моим охотничьим подвигам давно пришел конец. Если я теперь кого-нибудь убиваю или ловлю, то лишь затем, чтобы положить свою добычу на сковородку. Годы мои не те, чтобы превращать убийство в спорт. Вся эта бутафория оказалась совершенно излишней.

Говорили мне, что нью-йоркский номерной знак на машине вызовет интерес, а может, и вопросы, за

неимением у меня других опознавательных примет. И так оно и было раз двадцать—тридцать за всю поездку. Но эти беседы протекали все на один лад. Примерно в таком роде:

Местный житель. Из Нью-Йорка, хм?

Я. Точно.

Местный житель. Я там был в тысяча девятьсот тридцать восьмом году... Или в тридцать девятом? Элис, когда мы ездили в Нью-Йорк — в тридцать восьмом или тридцать девятом?

Элис. В тридцать шестом. Я прекрасно помню, потому что в том году Альфред умер.

Местный житель. Ну все равно — мерзостный город. Приплати мне — не согласился бы там жить.

Немало всех беспокоило и то обстоятельство, что еду я один — нападут, ограбят, изобьют. На дорогах у нас, как все знают, небезопасно. Должен сознаться, что признаки малодушия ни с того ни с сего появились и у меня. Давно уж мне не приходилось испытывать чувство одиночества, оставлять где-то позади и свое имя, и друзей, и ту надежную опору, которую ощущаешь в семье, в близких людях, в единомышленниках. Опасность трудно представить как нечто реальное. Просто на первых порах чувствуешь себя таким сиротливым, беспомощным — словом, одному бывает тоскливо. Поэтому я решил, что мне нужен спутник, и взял с собой одного пожилого господинчика французской национальности — пуделя по имени Чарли. Полностью его зовут Charles le chiefi*. Он родился в Берси, на окраине Парижа, обучался во Франции, знает

---

* Пес Шарль (фр.).

немного пуделиный английский, но быстро реагирует только на те приказания, которые отдают по-французски. С английского ему приходится переводить, и это замедляет реакцию.

Чарли очень крупный пес, мастью bleu*, и, когда его вымоют, он действительно голубой. Он прирожденный дипломат. Переговоры всегда предпочитает дракам, и правильно делает, ибо драки — не его призвание. За десять лет своей жизни он только раз попал впросак, наткнувшись на пса, который отказался вступить в переговоры. Чарли потерял тогда кусочек правого уха. Но как сторож он вполне на высоте — у него львиный рык, рассчитанный на то, чтобы скрыть от ночных бродяг тот факт, что ему и бумажного пакетика не прокусить! Чарли — добрый друг и отличный дорожный товарищ, путешествия для него самое разлюбозное дело, лучше которого ничего и не придумаешь. Упоминания о Чарли будут часто попадаться на этих страницах, потому что он способствовал успеху моей поездки. Собака, особенно такая экзотическая на вид, служит связующим звеном между незнакомыми людьми. Мало ли разговоров в пути начиналось с вопроса: «А что это за порода такая?»

Техника завязывания бесед повсеместно одна и та же. Я и раньше знал, а теперь открыл заново, что наиболее вернейший способ завладеть чьим-нибудь вниманием, получить помощь, заставить собеседника развязать язык — это признаться, что ты не знаешь дороги. Человек, который способен пнуть ногой в живот умирающую с голоду родную мать, потому что она ме-

---

* Голубой (фр.).

шает ему пройти, часами с величайшей охотой будет давать указания первому встречному (причем совершенно неправильные), когда тот признается, что сбился с пути.

Под могучими дубами Сэг-Харбора, возле моего рыбацкого коттеджа, с независимым видом восседал красавец Росинант, и соседи (некоторых мы и знать не знали) приходили полюбоваться им. В их глазах я читал нечто такое, что потом мне пришлось замечать повсюду, во всех уголках нашей страны: это было жгучее желание уехать, сдвинуться с места, пуститься в путь-дорогу, куда — не важно, лишь бы прочь отсюда. Они сдержанно говорили, что хорошо бы когда-нибудь сняться с якоря, уехать и разъезжать себе, куда захочется, и не в погоне за чем-нибудь, а просто так, лишь бы подальше от того, что здесь. Такое я подмечал и такое слышал везде, в каждом штате, где мне пришлось побывать. Чуть ли не каждый американец стремится куда-то вдаль. Один мальчик лет тринадцати приходил к нам ежедневно. Он робко стоял в сторонке и глазел на Росинанта; он заглядывал внутрь фургона и даже ложился на землю, чтобы получше рассмотреть его мощные рессоры. Мальчик этот был маленький, молчаливый и неотступный. Он приходил любоваться Росинантом даже по вечерам. Выдержки ему хватило только на неделю. Мужество отчаяния (была не была!) одолело робость. Он сказал:

— Возьмите меня с собой, я... я все буду делать. Стряпать буду, посуду мыть — любую работу. И за вами буду ухаживать.

Увы, его томление было так понятно мне.

— Если бы можно, я бы тебя взял, — ответил я ему. — А школьный совет? А твои родители и мало ли кто еще? Они известно что скажут: «Нельзя!»

— Я все буду делать, — повторил он.

И сомневаться в этом не приходилось. По-моему, он только тогда сдался, когда я двинулся в путь, так и не взяв его с собой. Этот мальчик лелеял ту же мечту, что сопутствовала всей моей жизни, а исцеления от нее нет.

Хлопоты по снаряжению Росинанта заняли немало времени и были очень приятны. Я брал с собой чересчур много всего, но как знать, что тебя ждет в дороге? Инструменты и орудия на все случаи жизни; буксирный трос, небольшую лебедку, лопату и ломик — вдруг понадобится починить, наладить, наскооро соорудить что-нибудь. Затем — аварийный запас провианта. На северо-запад я попаду к концу года, в снежные заносы. Надо быть готовым к тому, что застрянешь где-нибудь по крайней мере на неделю. С водой дело обстояло просто: у Росинанта имелся бачок на тридцать галлонов.

Не исключено, что дорогой я буду писать. Очерки? Может быть. Путевые заметки? Наверное. Письма? Безусловно. Поэтому были взяты запасы бумаги, копирка, пишущая машинка, карандаши, блокноты, а в придачу еще и словари, краткая энциклопедия и с десятков других справочников, весьма увесистых. Наши возможности по части самообольщения поистине безграничны. Мне ли не знать, что записи я веду редко, а если веду, то потом все равно все теряю или ничего не могу в них разобрать. Кроме того, за тридцать лет писательской работы пора было убедиться, что писать о чем-нибудь по горячим следам я не умею.

Материал должен перебродить во мне. По выражению одного моего приятеля, я долго «жую жвачку», прежде чем взяться за перо. И вот, несмотря на столь доскональное знание самого себя, я погрузил в Росинанта такое количество всяких письменных принадлежностей, какого хватило бы, чтобы написать десять томов. Туда же пошло фунтов полтора книг из тех, что все как-то недосуг прочитать, и это были, конечно, такие книги, на которые досуга никогда не хватит. Консервы, патроны для дробовика, пули, наборы инструментов, кипы всякой одежды, подушек, одеял и несусветное количество башмаков, сапог, теплого нейлонового белья для минусовой температуры, пластмассовые тарелки и чашки, пластмассовый таз для мытья посуды, запасной баллон с газом. Ресоры перегруженной машины охали и садились все ниже и ниже. Словом, теперь я знаю, что поклажи у меня было раза в четыре больше, чем требовалось.

Что касается Чарли, то этот пес — специалист по чтению чужих мыслей. Ему приходилось много путешествовать в жизни, а когда надо, и сидеть дома. Он догадывается, что мы собираемся в путь, задолго до того, как выносят чемоданы, и начинает слоняться из комнаты в комнату, и места себе не находит, и скулит, и то и дело закатывает легкие истерики, даром что старик. Все эти недели, пока шла подготовка к моему отъезду, Чарли только и знал, что путался у нас под ногами, и надоел нам хуже горькой редьки. Потом завел моду прятаться в грузовике — шмыгнет туда и прикинется маленьким-маленьким.

Приближался День труда, тот славный день, после которого миллионы ребят снова засядут за парты, а десятки миллионов родителей разгрузят от своих

машин шоссейные дороги. Я собирался выехать после этого праздника, и по возможности скорее. И тут вдруг выяснилось, что с Карибского моря прямо на нас прет ураган Донна. Живя на самом кончике Лонг-Айленда, мы отнеслись к этой вести с величайшей почтительностью, так как знаем по опыту, что это такое. В ожидании приближающихся штормов у нас все бывает готово к осаде. Наш маленький залив защищен не плохо, но и не очень хорошо. Донна подкрадывалась к нам, а я тем временем заправил все керосиновые лампы, подготовил колодезный ручной насос и привязал все, что имеет способность двигаться. У меня есть моторная лодка в двадцать два фута длиной, с кабиной, по имени «Прекрасная Элейн». Я задраил на ней иллюминатор и дверь, вывел на середину залива, сбросил за борт тяжелый старинный якорь, а цепь в полдюйма диаметром отпустил подлиннее, чтобы обеспечить лодке свободу циркуляции. Так она сможет выстоять против штормового ветра в сто пятьдесят миль в минуту, если только ей не повредит носовую часть.

Донна подползала все ближе и ближе. Чтобы слушать о ней сообщения по радио, мы поставили в котедже приемник на батарейках, предвидя, что, как только она к нам нагрянет, электричество сразу погаснет. Но теперь ко всем этим заботам добавилась еще одна: Росинант, восседающий под деревьями. В кошмарах наяву я видел, как на мой грузовик рушится дуб и давит его, точно букашку. Я вывел Росинанта из-под возможных прямых попаданий, но ведь его могло разнести в щепы и верхушкой какого-нибудь дерева, если ее пронесет по воздуху футов пятьдесят.

Рано утром мы услышали по радио, что циклон нас не минует, а около десяти часов — что его центр пройдет над нами, если не ошибаюсь, в 1 час 07 минут — время указали точно. В нашем заливе было тихо, ни ряби, ни волн, но вода так и не посветлела с ночи, и «Прекрасная Элейн» грациозно покачивалась на свободно висящей якорной цепи.

Наш заливчик защищен от ветра лучше других, и вскоре в нем появилось много всяких мелких суденышек. Я с ужасом увидел, что некоторые из их владельцев понятия не имеют, как становятся на якорь. Вот вошли два моторных катера — оба красавцы, один вел другого на буксире. С борта первого сбросили в воду небольшой якорь, и катера — задний был привязан за нос к корме переднего — остались посреди залива, оба в непосредственной близости от «Прекрасной Элейн». Я подошел с рупором к самому краю моего причала и попробовал возразить против такого безрассудства, но владельцы катеров либо ничего не услышали, либо не поняли меня, либо им было на все наплевать.

Штормовой ветер налетел на нас в точно предсказанное время и вспорол воду, как черную ткань. Казалось, он крушит все кулаками. У одного из дубов сломало верхушку, и, падая, она чуть-чуть задела коттедж, откуда мы наблюдали за тем, что делается вокруг. Следующий порыв впятил в комнату большую оконную раму. Я водворил ее обратно и топориком забил клинья вверху и внизу. Как мы и ожидали, электричество сразу же потухло, телефон замолчал. По радио предупредили, что волны достигнут высоты в восемь футов. Мы видели, как ветер рыщет по земле и по морю, точно свора терьеров, спущенных с при-